

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179
УДК 821.161.1

«Я оказался в этом сером и неинтересном городе...»: Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946

© 2019, О.Ф. Кузнецова.

Аннотация: В публикации представлены письма русского поэта-эмигранта Валерия Перелешина из Шанхая военных лет в Харбин к его матери. В Харбине их семья оказалась в 1920 г. вместе с волной беженцев из России. В Харбине Перелешин получил образование, выпустил свои первые книги стихов, принял монашеский постриг. После оккупации Харбина японской армией он уехал в Пекин, в Российскую духовную миссию. В Пекине Перелешин встретил свою любовь и написал много лирических стихов, где изображена природа Китая. В 1943 г. Перелешин был переведен в Шанхай. Там он вел церковные службы в соборе. Мать Перелешина оставалась все эти годы в Харбине. В письмах Перелешин рассказывает матери о непростой жизни русских эмигрантов в годы Японо-Китайской войны в оккупированном Шанхае, о своих сложных отношениях с харбинским монашеством, о своих друзьях. Главной темой, проходящей практически через все письма, оставалась тема его поэтического творчества. Он продолжал писать. В Шанхае вновь встретились друзья Перелешина — бывшие чураевцы, участники известного в Харбине литературного объединения «Чураевка», и создали поэтический кружок «Пятница», где по пятницам, в перестроенном гараже, читали и обсуждали свои новые стихи. Эти стихи вошли в сборник «Остров», изданный в Шанхае. Перелешин и его мать уехали из Китая в 1953 г. в Бразилию. Там Перелешин выпустил новые книги стихов, написал воспоминания о Харбине и Шанхае, занимался переводами, вел активную переписку.

Ключевые слова: письма, эмиграция, литература, харбинские поэты, литературное объединение «Чураевка», сборник стихов, поэт-монах, Российская духовная миссия в Пекине, «русский Шанхай 1940-х гг.», литературное объединение «Пятница».

Информация об авторе: Ольга Феликсовна Кузнецова, к.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: oliaol.555@gmail.com

Цитирование: *Кузнецова О.Ф.* «Я оказался в этом сером и неинтересном городе...»: Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 145–179. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179

Сразу по приезде в Шанхай в ноябре 1943 г. Валерий Перелешин (1913–1992) писал своей матери Евгении Александровне Сентяниной (1897–1980), оставшейся в Харбине: «Всё еще не знаю, для чего и почему нужно было, чтобы я оказался в этом сером и неинтересном городе...» Таким Шанхай показался поэту-монаху после полубившегося ему древнего Пекина с великолепными старинными дворцами и «тишайшими» озерами. В Пекине Перелешин жил с конца 1939 по 1943 г. и нес службу иеромонаха в Российской духовной миссии (Бэй-гуане). Там его хорошо приняли, в отличие от харбинского монастыря, где он поселился, приняв в 1938 г. монашеский постриг, и где ему был оказан «нерадушный» прием. Стихи в харбинском монастыре не поощрялись, и поэт-монах раздражал монастырское начальство настолько, что когда он, окончив в Харбине Богословский институт, написал диссертацию, ему не выдали диплом кандидата богословия. О своей обиде на эту несправедливость Перелешин не раз пишет матери.

Об утешении, которое он, как «блудный сын изверившийся», нашел в Пекине, Перелешин говорит в стихотворении «Возвращение», получившем приз на Восточно-азиатском конкурсе российских поэтов и беллетристов в 1942 г. в Харбине:

Покинув нерадушные края,
К вам прихожу, тишайшие озера,
Как блудный сын изверившийся, я
Для утешенья, а не для укора...

«Возвращение» для Перелешина — это возвращение к творчеству, которому в пекинской миссии не препятствовали, и к жизни — чтобы «сердце не страшилось бурь суровых»:

...Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.

Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар — как любящий и как любимый!

А груз, который так давно кляню —
Земную ношу боли и позора —

Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера!

В Пекине Перелешин был счастлив — «как любящий и как любимый». Он встретил любовь своей жизни — «Павлушу» (в письмах матери Перелешин обозначает его инициалом П.). Имеется в виду Павел Бай Цзи-чжан, певчий архиерейского хора. Нетрадиционная ориентация на долгие годы стала личной трагедией Перелешина: «У монаха этого не должно быть!» Отражалось это и в стихах тех лет. Перелешин боится людского «укора» и пишет о своей земной ноше «боли и позора».

Впервые Перелешин рассказал матери о «Павлуше» в письме из Пекина от 2 июня 1941 г.:

В праздник Вознесения я пошел со своим учеником и другом Павлушей в Центральный парк, где раньше не бывал. Мой гид очень добросовестно показал мне все закоулки парка.

После этого я зашел мимоходом к М.П., которая предложила мне рано утром на другой день поехать с ними <...> в Западные Горы, где мне не случалось бывать. Всю пятницу мы провели в Сянь-шане (или Охотничьем Парке), довольно далеко от Пекина, забирались на очень высокие горы, дышали самым чистым воздухом. Там повсюду удивительно красивые виды...

«М.П.» — поэтесса Мария Павловна Коростовец (1899–1975). Она жила в Пекине, где Перелешин с ней и познакомился. У них сложились дружеские отношения. Перелешин бывал в гостях у Марии Павловны и ее мужа, Ф.И. Коростовца (1887–?), сына бывшего русского посла в Китае. Она чисто по-женски трогательно заботилась о Перелешине, а он испытывал к ней чувство глубокой благодарности. Мария Коростовец старалась помогать и матери Перелешина, зарабатывавшей на жизнь журналистским и переводческим трудом, — отдавала ей свои гонорары за стихи и рассказы, опубликованные в Харбине за подписью «Мария К».

Позже, уже в Шанхае, Перелешин опять встретил Коростовец, и дружба возобновилась. Его мать очень радовалась, надеясь, что Валерий когда-нибудь сможет увлечься женщиной. Но Перелешин всегда относился к Марии Павловне только как к сестре.

Евгения Сентянина оказалась в Харбине в 1920 г. вместе с волной послереволюционных беженцев. Спасаясь от большевиков, она с двумя сыновьями «последним поездом» уехала из Читы в Хар-

бин — «русский город на китайской земле», возведенный русскими строителями Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Еще в конце XIX в. Россия и Китай заключили договор о строительстве дороги между Читой и Владивостоком через территорию Китая. Вдоль дороги была отведена территория отчуждения. В районе деревни Харбин Россией был куплен небольшой участок земли, где и начал строиться город. Там действовали российские законы. Город был населен советскими и российскими специалистами — они обеспечивали функционирование железной дороги и города.

В 1932 г. Харбин оккупировала Японская армия, а в 1935 г., после создания Японией в Маньчжурии нового государства Маньчжоу-го, СССР продал этому государству свою долю КВЖД. Тысячи граждан, имевших советское подданство, были вывезены в СССР. Жизнь в Харбине для русских стала совершенно бесперспективной и очень тяжелой. Они покидали Харбин.

Перелешину повезло — в 1939 г. ему наконец удалось уехать из Харбина в Пекин. Он надеялся вскоре забрать к себе мать. Но не удалось ни в тот раз, ни в 1943 г., когда он ехал в Шанхай. Сентянина оставалась в Харбине до 1950 г., и все эти годы они активно переписывались.

В Шанхай Перелешин ехал не по своей воле. Отчасти, видимо, и поэтому Шанхай ему не приглянулся. Перед отъездом, в последних пекинских письмах, Перелешин пытался объяснить матери, почему он должен уехать из Пекина, где так счастлив. По «официальной версии», глава миссии архиепископ Виктор (Л.В. Святин, 1893–1966) переводил его в Шанхай, так как там нужен был преподаватель Закона Божия в русской гимназии. Но главной причиной, по словам Перелешина, был донос, о котором он смог написать матери только из Шанхая 9 декабря 1943 г.:

Почему, в конце концов, я здесь оказался? Я сообщал тебе уже, кажется, историю доноса на меня в Центральный антикоммунистический комитет в Тяньцзине. (Такое письмо не обнаружено. Возможно, информация передавалась с кем-то из знакомых. — *О.К.*) Кроме того, со смерти о. Нафанаила, главным объектом интриги, которую вела против него известная своей провокационной деятельностью самозванка, именующая себя княгиней Горчаковой, сделался я. И против меня был устроен настоящий поход со стороны всех темных сил, имеющихся в наличии в Миссии. И когда, наконец, пришла просьба о. Рогожина о присылке в Шанхай законоучителя, начальник Миссии ухватился за этот шанс разрядить напряжение.

О чем говорилось в доносе — неизвестно, но донос — это серьезно: шла Японо-Китайская война, Центральный антикоммунистический комитет, расположенный в Тяньцзине, неподалеку от Пекина, и плотно сотрудничавший с Японской военной разведкой, держал эмигрантов, в том числе и служителей миссии, под неуспынным идеологическим контролем. В конце 1942 г. вызванный из миссии в Тяньцзинь друг Перелешина архимандрит Нафанаил (Н. Поршневу, 1899–1942) вернулся очень расстроенным и неожиданно умер в своей комнате «от угарного газа». Эта смерть вызывала много вопросов. Так что у начальника миссии был основательный повод «разрядить напряжение» и услатить Перелешина подальше от Центрального комитета. К теме доноса Перелешин возвращается, например, в публикуемом письме матери от 29 апреля 1945 г.

В Шанхае Перелешин оказался чуть ли не последним из его друзей-чураевцев — поэтов известного в Харбине литобъединения «Чураевка», закрытого еще в 1934 г. Несмотря на нелестное мнение о Шанхае среди харбинцев, эмигрантская молодежь, знавшая английский, ехала в основном туда. При этом о жизни русских эмигрантов в Шанхае в годы войны сохранилось не так много русскоязычных источников. Яркую картину этого города воссоздал в своих воспоминаниях харбинец В.П. Петров (1907–2000). В 1930-е гг. он уехал из Харбина, в Шанхае семь лет проработал журналистом. Позже, живя в США, он издал воспоминания «Шанхай на Вампу», где писал:

Шанхай. Это была блестящая столица Дальнего Востока. Многие называли его «Второй Париж», но чаще — «Желтый Вавилон». Последнее определение, пожалуй, самое верное. Действительно Вавилон, вавилонское столпотворение всех рас и народов, но доминирующий его фон — желтолицый, китайский. <...>

Желтое, грязное море у Шанхая; гигантская мутная, желтая река Янцзы (Янцзыцзян), в которую несет свои потоки — мутную, желтую грязь отбросов многомиллионного города река Хуанпу (Вампу). Грязные, желтые, глинобитные китайские домишки по правому берегу Хуанпу и, в виде контраста, массивные, многоэтажные здания — громады по левому берегу реки. Здесь — банковский, коммерческий и административный центр Международного сэттлмента Шанхая. Это блистательный Банд, с которого ведут внутрь города узкие провалы улиц. Эти улицы, с нависшими над ними кирпичными домами, и на улицах — толпы людей, — это настоящий, истинный Шанхай — «Желтый Вавилон». На улицах — «вавилонское столпотворение»¹.

¹ Петров В. Шанхай на Вампу. Вашингтон, 1985. С. 7.

Сохранилось и «живое впечатление» о 1930-х гг. харбинского приятеля Перелешина, Петра Лапикена (1907–1983). Он выпустил книгу очерков «Четыре города» (Харбин, 1935). Глава о Шанхае называется «Город нежных развлечений». Там, в очерке «Сердце планеты» Лапикен писал о Шанхае:

Семь часов утра. Улицы почти пустынные, почти туманные и почти не жарко. Двигутся трамваи (с пяти), несколько автомобилей, автобусов, пешеходы еще не толпа. Высокие дома скудно пропускают на улицу солнечные лучи. А сверху — голубое небо! На боковых улицах начинается жизнь: кричат, продают, покупают... Рикши, люди, торговцы.... Там грязно после ночи... Подворотни больших домов, переулки — в них можно заблудиться, если плохо слышишь, а так — бой часов Собора Святой Троицы укажет нужный путь.

Остановитесь! Разве вы не слышите свистка, не видите красного света? Без пятнадцати девять. Уже десять минут вы стоите, не рискуя проскользнуть на другую сторону. Свисток. Торопитесь! Теперь вы опять терпеливо ждете перемены течения. Рикши, как лошади на скачках, торопятся вырвать начало и — ни одного вершка между лавиной ждущей и движущейся. Девять часов. Всё еще движение и движение, но оно уже схлынуло по конторам, а на Банде в черте стоят автомобили — более тысячи... <...>

В 12 дня жарко, хочется пить. Попробуйте спросить на каком-либо наречии Китая идущего вам навстречу. Он не только проводит вас, но заплатит за апельсинад, выпитый вами, и исчезнет. По сведениям шанхайских старожил в Шанхае считается неприличным говорить не по-английски, поэтому попытки «неприличия» очень ценятся...

Пять часов дня. Спокойствие сметается с улиц — домой торопятся лихорадочно: нетерпеливо дрожат моторы на вынужденных остановках, гудят, звонят, кричат... А на тротуарах толпа густоты народного моления. Меня уже несколько раз переворачивает эта движущая сила, приходится спрятаться за выступ какого-то магазина. Но тут случается чудо большее, нежели «чудо вторичного цветения сливы» или «небесный случай обращения неверующего к вере острым гвоздем» — чудеса классические. Меня схватывают за руку и тянут сквозь толпу. На Фу-цзян род, таинственно переименованную в Фо-киен, я узнаю знакомого харбинца².

Петров вспоминал, что в Шанхай переселились пятьдесят тысяч русских, главным образом из Харбина. Селились они на Авеню Жоффр. Это был центр расселения русских в Шанхае. Одним из

² Лапикен П. Четыре города. Харбин, 1935. С. 41–43.

адресов Перелешина в Шанхае был как раз: 469, Avenue Joffre, ap. 77. Авеню Жоффр располагалась во Французской концессии, существовавшей с 1849 по 1946 г. А Международный сеттльмент, где тоже одно время селились русские, был под международным управлением и существовал с 1842 по 1943 г. Петров писал, что жизнь на Авеню Жоффр казалась каким-то «анахронизмом», как «осколок» «русской патриархальной жизни, чудом сохранившейся в Зарубежье еще на десятки лет, после того, как была уничтожена на родине»:

Греховная жизнь города мало коснулась этого пережитка дореволюционной России. По-прежнему, как и в старой России, шумно праздновалась масленица с ее пышными блинами и соответствующими закусками; веселым колокольным звоном церковью встречали русские шанхайцы на заутрене светлый праздник Христова Воскресения³.

А неподалеку, в пригороде Шанхая, Лапикен описывает совсем другую жизнь. Это китайский город Нантао:

Нантао. Под этим именем объединяются китайский город, пригород около реки Хуан-пу и южная станция. Чтобы писать о жизни людей здесь, надо иметь неисчерпаемый запас бодрости и равнодушия.

Город слагается из домов, грязи, улиц, грязи, толпы, грязи, пищи, грязи... На неровных каменных ступенях, обломках и плитах тротуара разложена подсушиваться пища: морские ежи, коньки, звезды... Невдалеке играют дети в жизнь со всеми ее проявлениями, подбираясь к пище. Нищий, почесывая клейкую язву, что-то вылавливает из своих одежд, шелкает зубами и бросает всё равно куда... Старик несет на спине старуху, стучит бараньими лопатками, поет, просит. Надзирающий кидает ему коробку спичек... Мне рассказывали:

— Если милостыню не дадут, он оставит старуху заражать пищу. Она будет причитать, плакать, плевать... Бить слепых как-то неудобно, а товар испорчен. Если же скупость будет упряма, то каждый день будет приходить нищий и портить. Бить их можно — но их 15 тысяч. Тогда торговать больше уже не придется. Стать нищим довольно трудно; для этого в общину надо внести крупный членский взнос, за это вам будет обеспечено безбедное существование. Но малейшая провинность — непочтительность к старшему рангом — и дно Сучжоуского канала поглотит выброшенного из жизни. <...>

³ Петров В. Шанхай на Вампу. С. 13.

В китайский город не советуют ходить, но всё же там бывают... Останавливаются перед деревянным зубо-врачебным лотком-кабинетом с грудой зубов — чем больше — тем лучше — на одну треть человеческих.

Если соберется неприветливая толпа, так как шанхайские ругательства узнают скоро, то необходимо сказать: — Ала баянь баянь — я смотрю.

Тогда из этого города вас кто-нибудь проводит до Северных ворот, и если вы говорите по-пекински, — вас поймут, но вы — нет. Вы только скажите: Рю де Консуля — отсюда легче всего попасть на французскую концессию: домой⁴.

Перелешин оказался в Шанхае уже после его оккупации — японские войска вошли в город в декабре 1941 г.

В своих мемуарах «Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая», изданных несколько десятилетий спустя после отъезда из Шанхая, Перелешин вспоминал:

Русские эмигрантские группировки и организации враждовали между собою и заваливали ящики письменных столов своих японских хозяев доносами друг на друга. А надо всем и всеми навис беспросветный японский террор с застенками Бридж-хауза и пытками.

— Однажды на банкете моей соседкой оказалась изысканная китайская дама, похожая на орхидею, — рассказал мне несколько лет спустя М. Якшамин, «корреспондент» ТАСС. — Увидев меня, дама заулыбалась и сразу заговорила со мною, как со старым знакомым. А между тем я никак не мог вспомнить, кто она, и где я ее встречал. Заметив мое смущение, дама напомнила мне, что мы сидели в Бридж-хаузе в соседних клетках — из толстых железных полос — раздетыми догола.

Дома в те годы не отапливались, но все мы сравнительно легко переносили холод. Только в феврале руки и ноги у многих покрывались язвами (“chill-blains”) от холода и сырости. Теплые пальто не помогали, так как сырость и холод меньше ощущались на воздухе, чем в закрытых помещениях⁵.

⁴ Латицен П. Четыре города. С. 24–26.

⁵ Перелешин Валерий. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. С. 89.

Шанхайские училища и гимназия, где Перелешин читал Закон Божий, по его словам, порой вовсе не платили, другие будто бы платили:

Получив жалованье в одной такой школе (четыре часа в неделю), я заходил в продуктовый магазин и покупал на всё жалованье ровно один фунт сахару. В доме при соборе я имел только комнату; на пропитание и одежду надо было заработать — частными уроками или любым другим способом, а времени не было, ибо надо было проводить свои «недели» в соборе и служить в эти недели и литургию, и всенощную, или вечерню с утреней. На архиерейские службы епископ Иоанн (Максимович) собирал всё духовенство города, — обязательным было участие всего духовенства в молебне святому Владимиру 28-го июля (которым епископ Иоанн выражал свои монархические симпатии князю Владимиру Кирилловичу), но и каждый четверг в соборном доме состоялось «пастырское собрание»⁶.

Речь идет о Кафедральном соборе во имя иконы Божьей Матери «Споручница грешных», который был построен в 1937 г. на пожертвования эмигрантов из России. При нем существовал архиерейский соборный дом, куда поселили Перелешина. Дом сохранился до наших дней, как и сам собор, объявленный архитектурным памятником. Там была открыта биржа.

За годы в Шанхае Перелешин смог издать (в Харбине, с помощью матери) свою четвертую книгу стихов «Жертва» (Харбин, 1944), куда вошли еще пекинские стихи. Что-то написал из нового, хотя в письмах жаловался матери, что в Шанхае ему плохо пишется. Занимался переводами китайской классики, а также статей для ТАСС, где начал сотрудничать — в агентстве хорошо платили. Даже перевел книгу о Чан Кайши — судьба этого перевода неизвестна.

Но главным для него в эти годы стал, судя по всему, неожиданно возникший литературный кружок «Пятница». Это было дело «для души». Приехав в Шанхай, Перелешин встретил своих чураевских друзей, и они тут же решили поддержать традицию харбинской «Чураевки» и устраивать что-то типа литературных вечеров. Помещение нашлось в перестроенном гараже. Стали собираться по пятницам. На каждом собрании задавалась тема для очередного стихотворения, которое зачитывалось в следующую пятницу. Темы, написанные на бумажках, вытаскивались наугад. «Пятница»

⁶ Там же. С. 93–94.

просуществовала с 1943 до 1945 г. Результатом двухлетнего труда стал сборник «Остров», вышедший, судя по письму Перелешина от 27 января 1946 г., не без поддержки советского консульства. Стихи участников так и располагались в нем по темам. Авторами сборника, кроме Перелешина, стали Ларисса Андерсен (1911–2012), Варвара Иевлева (1900–1960), Мария Коростовец (1899–1975), Юстина Крузенштерн-Петерец (1903–1983), Николай Петерец (1907–1944), Владимир Померанцев (1914–1985), Лидия Хаиндрова (1910–1986), Николай Щеголев (1910–1975). Все, кроме Иевлевой и Коростовец, были бывшими чуравцами.

В предисловии к сборнику Щеголев писал: «Два года, каждую пятницу сходились мы у этого овального стола, на своем искусственном острове, а вокруг бушевала война, свирепствовали японские оккупанты, царил жесточайший материальный и моральный гнет. Работать литературно, высказываться художественно было негде из-за цензуры...»⁷

Вот одно из вошедших в «Остров» стихотворений Перелешина на тему «Поэт»:

Нелюбимые дети
Спят, придавлены тьмой,
Лишь меня на рассвете
Ночь отпустит домой,
В час двоякий и странный,
В час усталый, когда
Тонкорунных туманов
Исчезают стада.
В час, когда слабосильных
Будят вас петухи, —
После горнов плавильных
Остывают стихи...

Но за то, что со светом
Мы встречаем рассвет,
Нет пощады поэтам:
— Как он смеет, поэт,
Раньше утренних звонниц
Петь осанну лучам?

⁷ Остров: Сборник стихотворений. Шанхай, 1946. С. 9.

Не прощают бессонниц
Те, кто спят по ночам⁸.

В последнем сохранившемся письме к матери из Шанхая от 19 октября 1946 г. Перелешин рассказывает: «Стихи пишу редко, но есть кое-что хорошее. Однако издать что-нибудь надежды мало. <...> Знай обо мне, что я почти счастлив, что работа хорошая, что мною дорожат <...> О! Я теперь снял ряску, побрился и стал совсем денди».

В 1950 г. Перелешин уехал из Шанхая в Тяньцзинь, куда из Харбина приехала и Сентянина. Как писал Перелешин в воспоминаниях, к этому времени они твердо решили уехать из «ставшего неузнаваемым» Китая. Что, в конце концов, они и осуществили.

В сентябре 1952 г. поэт Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрище) и его мать Евгения Сентянина уехали в Бразилию. Перелешин уезжал автором четырех изданных в Харбине книг стихов и одной неизданной, но уже готовой. Вышел отдельным изданием и его перевод поэмы С.Т. Кольриджа. Составленная им и переведенная в Шанхае антология китайской классики увидит свет только в 1970 г. в Европе.

За годы «после Китая» Перелешин выпустил еще 9 сборников стихов, перевод на русский в стихах поэмы «Дао-дэ-цзин», воспоминания «Два полустанка», большую поэму и другие книги. Он много печатался в эмигрантской прессе, активно переписывался с эмигрантскими писателями. Но в его огромном эпистолярном наследии переписка с матерью занимает особое место.

Всего сохранилось 86 писем Валерия Перелешина к матери из Шанхая. В данную подборку включены те письма, которые проливают свет на деятельность существовавшего в годы войны в Шанхае литературного кружка «Пятница» и его участников и на творческую биографию Перелешина. Письма публикуются по машинописным копиям, которые были сделаны Перелешиним в 1980-е гг. Иногда, перепечатывая текст, он делал примечания — они воспроизводятся с пометой «В.П.» в скобках. Обозначения инициалами некоторых персонажей — после идентификации — сохраняются. В тех случаях, когда в текстах встречается легко расшифровываемое сокращение слов, слова воспроизводятся полностью.

Копия писем хранится в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.1. Ед. хр. 4. Л. 262–375).

⁸ Там же. С. 275.

1

16 ноября 1943
55, Rte Paul Henry
Shanghai

Дорогая мама,
всё еще не знаю, для чего и почему нужно было, чтобы я оказался в этом сером и неинтересном городе под властью епископа и в очень неясном материальном положении. Ни одно из обещаний архиепископа не выполнено: вместо коммерческого училища я водворен в архиерейский дом, вместо независимого положения связан по рукам и по ногам правилами и просто причудами, вместо досуга для занятий — не успеваю дышать, и, наконец, вместо хорошего заработка не имею и половины того, что необходимо, чтобы прожить здесь. Если бы не М.П., которая уже собиралась ехать в Пекин, но ради меня осталась, я совсем упал бы духом. Ну а так еще чувствую себя бодрым и веселым, да и любопытно всё же первое время в новых местах. На каждом шагу встречаются знакомые. Я нарасхват, ежедневно бываю у кого-нибудь. Есть и новые друзья, много книг и хорошая музыка. Думаю, что постепенно всё утрясется и даже лучше еще будет, чем в Пекине было. Слишком много там было злобы, да и сам я много себе повредил. Очень уж горячий у меня характер и гордый, и странный.

Писем от тебя очень давно нет (вот уже две недели, что я в Шанхае, и писал тебе отсюда. Пиши пока на Route Paul Henry, как обозначено выше).

Со вчерашнего дня преподаю Закон Божий в реальном училище (страшно далеко), а с завтрашнего начну уроки еще и в коммерческом (ближе, рядом со Слободчиковыми¹).

В «Рубеже» видел «Сердце» и «Ностальгию»². Но что случилось с двумя рассказами М.П. — «Иродиадой» и «Больше жизни»³? Есть и у М.П., и у меня новые стихи, но пока их не посылаю — что-то много накопилось стихов у тебя, а проходят они туго. Как дела с книгой «Жертва»⁴? Нельзя ли это предприятие ускорить? Хорошо бы увидеть книгу к Рождеству, здесь многие ждут ее выхода. Будет ли напечатан мой отзыв на «Бренные песни»⁵?

Получила ли ты посылки, отправленные тебе из Пекина? Опять очень о них беспокоюсь — посланы тебе вещи нужные и дорогие. Отсюда некоторое время ничего посылать не смогу — жизнь предстоит очень нелегкая, да и путей в Харбин нет. Твой сын И.Г.⁶

¹ О семье Слободчиковых см. п. 4.

² Эти стихи В. Перелешина вошли в книгу «Жертва» (Харбин, 1944).

³ Опубликованы ли эти рассказы М.П. Коростовец, установить не удалось.

⁴ Книга была напечатана только в мае 1944 г. в Харбине в издательстве «Заря».

⁵ «Бренные песни» (Харбин, 1943) — книга стихов Ольги Ярославны Тельгофт (1915–1946?), участницы «Чураевки», жены В. Слободчикова до осени 1944 г.

⁶ Иеромонах Герман. Здесь и далее В. Перелешин так подписывал свои письма.

2

*24 января 1944
55, Paul Henry,
Shanghai*

Дорогая мама,

что с тобой случилось, целый месяц уже не получаю от тебя ни строчки? Беспокоюсь так, что уже ни о чем думать не могу, и работать не хочется. В чем дело? Здоровы ли ты? Здоров ли В.В.?¹ Завтра начинается лунный Новый год, который праздновать будут три дня. Так тяжело! И очень мне здесь одиноко.

С М.П. опять стал часто ссориться — она всё требует какой-то «большой любви» и «нежности», и, по-видимому, у меня этих вещей не найти — я сержусь, а она плачет. И жаль ее, одинокую, но помочь не умею, да и просто не знаю, чего ей от меня нужно. Очень всё это непросто и нудно. И все-таки жизнь без нее здесь была бы еще несноснее, хотя сейчас, в общем, мне жаловаться не на что — на Рождество и Крещение я «выходил» некоторую сумму денег, так что в необходимом не стеснен; со столом наладилось, в соборном доме недорого и питательно; обувь вся починена для всякой погоды.

С сегодняшнего утра возобновились занятия в школах. В этом есть и хорошие стороны (меньше служб), но я совсем не люблю учительства, и оно меня тяготит, предпочитаю всему мирную кабинетную работу — век бы занимался китайским языком; хочется еще написать магистерскую работу. Тема, предложенная Костючиком² («Я»), очень интересна, и, пожалуй, остановлюсь на ней. Подумать тут есть о чем.

Вчера начал писать давно задуманную космогоническую поэму³ о состязании семи архангелов, творящих миры. Получается очень красиво и стройно, но отдает Гумилевским «Драконом»⁴. М.П. советует каждую из семи частей написать иным размером — соответственно той или другой планете. В поэме будет около 7 строф, не меньше.

В каком положении «Жертва»?

Получаешь ли ты письма? Я поздравил тебя с днем ангела и праздниками, затем писал тебе вскоре после Рождества. Вот пишу письмо в неизвестность. Получила ли посылку через Александру Афанасьевну Подобедову (Скобелевская, 19)?

Захлебываюсь хорошими книгами. Читаю сейчас П.Д. Успенского (о четвертом измерении)⁵ и сразу несколько книг стихов. Ужасно далеко разбросала нас всех судьба. М.П. тоже, кажется, уедет в Пекин: без комнаты ей очень и очень неудобно. Марк⁶ вчера переехал к Слободчиковым: Оля в конце концов согласилась сдать комнату, получив хорошее отступное с ребят, но последние столько же получили со своей прежней квартирной хозяйки.

Епископ Иоанн⁷ стал опять болеть; никто из духовенства его несколько не жалеет, и все даже рады возможности сократить службу, когда его не бывает в церкви. Образ жизни этого пренесимпатичного человека все-таки весьма особенный, и в одном отказать ему нельзя — себя он не щадит. Он служит каждый день, не пропускает ни одной службы вечером, ест раз в сутки, ночами не спит, постоянно посещает больницы, приюты и тюрьмы, и частных больных. Но любви не имеет...

Всего доброго. Пиши мне, наконец. Твой сын И.Г.

¹ Перелешин писал в примечании к письму от 6 сентября 1943 г.: «Профессор Владимир Васильевич Колошин, инженер путей сообщения, один из первых поклонников моей матери еще до ее замужества. Она предпочла моего отца (человека с ужасным характером). Владимир Васильевич, сын священника, мягкий, преданный, был, таким образом, побежден потомственным дворянином. Позднее женился он не на девушке, за которой ухаживал, а на ее тетке Евгении Ивановне. Овдовел и в 1943 г. снова встретил свою “Женю”».

² Костючик И.И. — доцент Богословского факультета Института св. Владимира в Харбине. Им в 1943 г. был написан положительный отзыв на кандидатскую диссертацию студента Богословского факультета иеромонаха Германа (В. Перелешина) «Философия страдания». Упомянутая работа «Я» не была написана.

³ «Космогоническая поэма» сначала называлась «Ангель» и была напечатана в «Луче Азии» № 120 за сентябрь 1944 года, а затем я много над ней поработал и лет через двадцать включил ее в свой сборник «Качель» под заглавием «Поэма о мироздании». (В.П.)

⁴ Видимо, имеется в виду книга первая «Дракон» в «Поэме начала» (1921) Николая Гумилева.

⁵ Возможно, книга П.Д. Успенского «Четвертое измерение. Обзор главнейших теорий и попыток исследования области неизмеримого» (Прага, 1924–1926; Париж, 1926–1928; Берлин, 1935–1937).

⁶ Марк — сын М.П. Коростовец. Снимал комнату в квартире О. Тельтофт и В. Слободчикова.

⁷ Епископ Иоанн (в миру Максимович М.Б., 1896–1966) — с 1934 по 1946 г. епископ Шанхайский. В 1946 г. единственный из архиереев в Китае не признал церковную власть российского Патриарха Алексия I и остался в юрисдикции РПЦЗ. Стал архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским. В 1994 г. РПЦЗ причислила его к лику святых.

3

10 марта 1944

Дорогая мама,

опять целую вечность не получаю от тебя вестей и скучаю от этого еще больше, чем от серого шанхайского жития. Третьего дня был обрадован приходом «Луча»¹ и «Рубежа» и ждал письма после них, но пока еще его нет. Надеюсь, что всё у тебя благополучно, и это простая случайность, что письмо запоздало так.

Присутствие архиепископа² очень скрашивает существование мое: нет-нет, да и заглянет он ко мне перекинуться мирными и дружескими словами, а однажды просидел целый вечер. Вчера мы вместе были в гостях у его друзей и на днях вновь собираемся в свет. Говорит Владыка, что завтра будет дан указ о моем назначении в женскую гимназию вместо отъезжающего о. Гавриила³, который едет в Пекин быть наместником.

Там более независимая домовая церковь, где епископ Иоанн бывает весьма редко. Будет небольшой доход, и это совсем близко. Но реальное училище тоже пока останется на мне, а оно-то больше всего меня тяготит: путешествие туда занимает теперь два часа, да обратно столько же, да еще там 4–5 часов работы! Очень устал от этого дела. Дотянуть учебный год до конца, однако, стоит, чтобы получить летнее жалованье; кажется, даже вперед дадут.

С понедельника, 13 марта, открываю при Русском общественном собрании цикл лекций по истории философии; за 4 лекции плата будет \$250. Это уже кое-что. И дело хорошее. В общем, в Шанхае можно бы жить сносно, если бы работы было поменьше и если бы не епископ Иоанн, которого я искренне считаю маньяком.

Дошли ли до тебя наконец те 200 го-би⁴, которые я пытаюсь перевести тебе? Это на расходы по «Жертве» и на доплату за диплом. И, если деньги дойдут без хлопот, я скоро переведу тебе еще столько же, чтобы облегчить тебя.

Сообщи, сколько обошлась «Жертва», чтобы я знал, как надо ее продавать, хотя и сейчас уже знаю, что продавать буду дорого. Первый экземпляр уже продан г-же Петерсон (Индра-Дэви)⁵. Кстати, издательские возможности, кажется, увеличиваются: г-жа Кольберг⁶ <? нрзб> согласится дать мне необходимую сумму на издание моей

книги, если это понадобится. Использовать ли эту возможность, для того чтобы повторить книгу «В пути»? Получения «Жертвы» жду с великим нетерпением.

В неделю раз исправно встречаемся, все поэты (Лида, Лара, М.П., Ник. Ал., Ник. Влад., Иевлева и я), и читаем доклады. Прошлый раз я дал обзор дальневосточной поэзии, в следующий раз Ник. Ал. читает обо мне. Собрания проходят очень живо. Всегда жаль уходить с них в 9.50 (иначе епископ Иоанн устраивает мне скандал).

Сейчас сажусь готовиться к лекции по философии; надо еще приготовить свежую проповедь к воскресенью, так как буду служить в «своей» приютской церкви с архиепископом Виктором. Твой сын И.Г.

¹ Очевидно, речь идет о журнале «Луч Азии».

² Архиепископ Виктор приезжал на время из Пекина.

³ Архимандрит Гавриил (в миру Огородников Д.И., 1890–1971) был священником кафедрального собора в Шанхае. С 1944 г. стал заместителем настоятеля Успенского монастыря при Российской духовной миссии в Китае. С 1948 г. жил в СССР.

⁴ Денежная единица в государстве Маньчжоу-ди-го в 1932–1945 гг.

⁵ Индра Деви (Е.В. Лубанская-Петерсон, 1899–2002) — единственная женщина, которой присвоен статус йога, жила какое-то время в Шанхае, затем переехала в США.

⁶ Фамилия в тексте написана неразборчиво. Данных о госпоже Кольберг найти не удалось.

29 мая 1944

Дорогая мама,

всё это время писем от тебя не было; у нас была почтовая забастовка, и мой ответ на твое предыдущее письмо очень задержался. Боюсь теперь, что получится большой перерыв. Книга всё еще не пришла, даже в единственном экземпляре, хотя после 12 мая прошло уже 17 дней. Жду ее уже с почти безнадежным чувством — почти год издается мое несчастное дитя¹. За это время поэма «Ангелы» сильно продвинулась вперед, пишу уже заключение. Мелких стихов давно нет, но у тебя есть большой запас их. М.П. часто и хорошо пишет, есть у нее новые вещи: «Пустыня» и «Феникс»².

Душевное состояние мое очень выправилось: я запасаюсь неизлечимой грустью, с которой легко пишутся стихи. За то, чтобы довести свою поэму до конца, я согласился бы заплатить еще не таким страданием. Удивительно, насколько точен и неизлечим этот закон компенсации. За счастье творчества надо отдать радость любви.

И тогда, как отдашь, прямо хляби какие-то из другого мира разверзнутся, и писать можно, пока хватит времени. На этой последней «ампутации» я приобрел VI и VII части поэмы, да и заключение почти кончил. Задумалось еще посвящение, и тогда конец, всего будет около 140 строф. М.П. предчувствует уже твою радость — захлебнуться в этой вещи целиком. По правде, ничего столь возвышенного и звучного я еще не писал. И там нет ни малейшей эротики, ни даже образов эротики: всё чисто, ясно, свято. Могу сказать, что «Ангелы» будут достойны своего имени.

Недавно вернулся с очередной своей лекции (о софистах); прочел ее очень живо и увлекательно. Приходит много славной молодежи, больше «мальчиков»; часто бывают Слободчиковы — Воля, Шурик и Ольга Ярославна³; назад отводят меня целой толпой, и туда каждый раз сопровождают. Популярность бешеная. На лекции же получил подарок — книгу стихов М. Щербакова⁴ «Отгул» (с надписью «Мастеру Валерию П-ну с трепетом — автор М.Щ.»).

Была сегодня Лида Хаиндрова, неизменно присутствует милая герцогиня⁵, глава здешних розенкрейцеров Сальников⁶, еще одна очень мистическая дама, всего человек 40–50. И оплачивается это недурно. Вообще денег зарабатываю больше, чем могу истратить, беда вся от неустроенности жизни, от того, что некогда есть и пить и заботиться обо всем остальном.

На днях было мне сделано предложение поехать в Гонконг. Увы, пришло оно слишком рано — оказаться там сейчас, пожалуй, было бы несвоевременно, а после войны я не пожелал бы тебе и себе ничего лучшего. Главное, что меня удержало от поездки, — то, что даже в Шанхай письма оттуда идут два месяца. Следовательно, в Харбине их и вовсе не дождешься. И я не хочу отягчать своего одиночества еще новым испытанием. А место это чудесное: М.П. и герцогиня бывали там, и остались в восторге. Будем надеяться, что шанс еще придет.

На книгу Щербакова напишу рецензию.

Сегодня прошел экзамен по Закону Божьему в VI классе женской гимназии, 1 июня — в V классе. Младшие классы — между 16 и 23 июля. В общем, и эта школа заканчивает учебный год, и можно расстаться с Шанхаем, хотя бы на время. Здесь хорошо зарабатывать деньги, но тратить их надо в другом месте: в Пекине или Циндао. Так хочется эмоций, природы, красоты моря и скал, синего неба, запахов цветущих деревьев... Всё это потом выходит стихами. И «Ангелы» — это пекинские краски, сосны и озера, только уже очищенные от налета чувственных влечений.

Пишет ли милая бабушка? Передай ей привет и всегдашние пожелания бодрости.

Всего, всего доброго. Да хранит тебя Господь!

Пиши почаще. И когда же наконец я увижу свою воплощенную «Жертву»? Твой сын И.Г.

¹ Речь идет о книге «Жертва», вскоре полученной Перелешиным.

² Эти стихи позже вошли в сборник «Остров».

³ Бывший чуралец поэт Владимир Александрович Слободчиков (1913–2007), его жена — поэт Ольга Ярославна Тельтофт и, видимо, их сын. Позже, в письме от 6 октября 1944 г., Перелешин писал: «Третьего дня уехала в Дайрен и затем в Харбин О. Т<ельтофт>. Увезла ребенка, который теперь никому не нужен, — будет жить у Ярослава Мар. Ольга уехала с женихом, молодым Семеновым, сыном Атамана». Имеется в виду участник Гражданской войны казачий атаман Г.М. Семенов (1890–1946); в 1945 г. он был захвачен СМЕРШем и казнен. Его сыновья были репрессированы — сын Вячеслав получил 25 лет лагерей, сын Михаил был убит при этапировании. Тельтофт также была арестована и погибла в 1945 или 1946 г.

⁴ Щербаков Михаил Васильевич (1890–1956) — поэт, писатель, журналист, переводчик с китайского, профессиональный фотограф. В конце 1922 г. с отступающими войсками уехал в Китай. Жил в Шанхае, где служил во французской полиции. Был председателем литературного объединения «Понедельник» (с 1930 г.) и редактором издававшегося объединением одноименного сборника. Автор двух книг стихов. На вторую книгу «Отгул» (Шанхай, 1944) Перелешин собирался написать рецензию, но не смог, т.к. стихи ему не понравились. После войны Щербаков уехал в коммунистический Вьетнам. Жил в Сайгоне. Держал собственную фотографию. Затем переехал во Францию для лечения в психиатрической клинике. Покончил с собой, выбросившись из окна.

⁵ Надежда Николаевна Богарне, герцогиня Лейхтенбергская.

⁶ Александр Никитич Сальников (?–1972) — известный в Шанхае танцовщик, возглавлял оккультную группу.

5

20 октября 1944

Дорогая мама,
только что вернулся с «Пятницы», которая, несмотря на отсутствие больного Н.В. <Петереца>, его жены и Иевлевой, прошла очень интересно. Ник. Ал. <Щеголев> читал доклад о раскрытии символа в поэзии, завязался оживленный разговор о поэзии и музыке и об их соотношении. Затем я прочел свой разбор стихотворения Ларисы «Камея» — одного из лучших, написанных здесь за всё время нашей работы. По поводу него также возникла живая беседа.

Сегодня у меня был исключительно денежный день: к тем деньгам, что получил от кофе, прибавились еще \$240 за два экземпляра «Жертвы», проданные Ларисой, и \$1600 за статью о Лермонтове. В данный момент у меня \$9000 наличными плюс \$2500, сегодня

отданные в дело мое с Марком¹, плюс пай в сухом молоке и шерсти. И ко всему этому я имею еще мед и иногда даже кофе и сухое молоко к нему. По нынешним временам почти чудесно. Вот только холодно будет зимой...

По сообщению Лиды, Маша Фомина продала вчера еще 2 книги. Итак, первая тысяча уже получилась. Считай, что посылаемые тебе деньги — книжные. Лариса продаст еще три, Маша — тоже. Постепенно еще разойдутся. Хочу послать подарки пекинским друзьям — К.М. Карпинской, Л.А. Фридендер и Софье Михайловне². Здесь получают Маша Фомина, Лара, Ник. Ал.

М.П. дописывает большой — на 2 номера — рассказ. Скоро получишь его. Очень интересный, как обещает.

С Божьей помощью проживем как-нибудь до конца войны. Жизнь — по временам — кажется даже интересно. Не знаю, не мешает ли тебе тоска о Вите³ чувствовать это? Еще столько надежд у нас!

Жалею теперь, что ничего, кроме денег, не могу тебе переслать. Здесь есть такие чудесные вещи! Они доставили бы тебе много радости. Но плащ⁴ куплю тебе завтра же. Пусть пока лежит — до случая. Со следующим письмом пошлю тебе свою статейку. Твой сын И.Г.

¹ Перелешин, Мария Коростовец и ее сын Марк перепродавали товары, присылаемые из Пекина ее сестрами.

² С Софьей Михайловной Вахромовой (урожд. Сыровой) Перелешин познакомился в Пекине. В 1947 г. она уехала в СССР.

³ Брат Перелешина Виктор в это время служил в американской армии.

⁴ Из письма В. Перелешина от 23 октября 1944 г.: «Уже два дня, как плащ тебе куплен (за \$2250 GRB) — красный, очаровательный — и висит на плечиках в монашеской келье, восхищая дам и смущая прочих. Страшно хотелось бы переслать его тебе поскорее — не к тому, чтобы его носить (он предназначен для теплых июльских дождей, и ты будешь в нем похожа на конфетку, завернутую в прозрачный красный целлофан), но просто для того, чтобы он радовал тебе глаза, как сейчас мне радует. Правила употребления его таковы: держать в висячем положении, подальше от сырости, после дождя обязательно развешивать. Может быть, пошлю почтовой посылкой, но очень боюсь — вещь дорогая, на харбинские деньги почти \$400».

Дорогая мама,
из-за воскресенья и — вчера — подготовки к лекции опять задержал письмо. Вчера умер Николай Владимирович <Петерец>. Все были подготовлены к этому, и всё же известие это бесконечно огорчило нас. Бедная жена, бедная Лара, которая за короткое время потеряла еще одного человека, безумно любившего ее. Наша «Пятница» теперь

должна пережить опасный кризис: душой объединения был Н.В. Теперь Н.А. <Щеголев> и я возьмемся за дело спайки и сохранения нашей группы. Причина смерти — плеврит, запущенный, давний. Врачи лечили от тифа, а когда разглядели плеврит, было уже поздно.

Сегодня вторник, мой гимназический день, но я остался дома по болезни. По-видимому, у меня то, что здесь называется «спру» — нервная дизентерия. Два дня, пока я не видел М.П., мне было лучше, а вчера она опять меня взволновала (пришла, хотя я прямо сказал ей, что лекция не готова, в холоде¹ писать очень трудно, и чтобы она не вторгалась) — вот я и снова стал мучиться, и ночь прошла беспокойно. М.П. никогда ни с кем не считается — ей скучно, и все должны благоговеть.

Несмотря на болезнь, уроки идут как обычно. Только первая группа — хунаньцы — теперь стала трещать. Почему-то исчезла барышня Оу Ян, другой ученик сам болеет — нарывы на подошвах ног, по дождю ходит в ночных туфлях. Надеюсь, что 22.XII мне станет совсем хорошо (Марс отойдет немного), и тогда всё пойдет лучше.

Занятия китайским языком оборвались с первого холодного дня. Только читать еще удастся, да и то мало: по вечерам у нас совсем не дают света. Кажется, завтра или послезавтра начнут давать с 6.30 до 10 часов. А дальше — опять огарки.

Единственное, что обстоит хорошо, — питание. Княгиня Ухтомская² дает мясной суп и мясное второе; хлеба достаточно отпускают по карточке. День жизни обходится теперь не меньше \$200–250.

Хотел бы сегодня добратся до почты — ведь почти две недели туда не заглядывал. Не ответил на множество писем, даже книг не послал.

Всего, всего наилучшего. Тепло ли у тебя? Ничего нет ужаснее холода без надежды согреться. Вчера заходил к епископу — работает при масляной лампе, тоже мерзнет; у него самые холодные комнаты. Разрешил отслужить панихиды по Н.В. (хотя он, как помнишь, католик, но всегда любил православие). Твой сын И.Г.

¹ Из письма В. Перелешина от 9 декабря 1944 г.: «На письмо отвечаю не сразу из-за страшного холода. Совершенно неожиданно, 30.XI, наступила зима. В домах не топят (кроме состоятельных), и я считаю, что холодами просто установлен трехмесячный перерыв в жизни. Прости, если писать каждую неделю я не смогу, — пальцы коченеют и не слушаются».

² Примеч. к письму от 21 сентября 1944 г.: «Ухтомские — князь И. Валерианович и княгиня Александра Семеновна (ее фамилии по первому браку не помню) держали пансион. Впоследствии я там столовался».

12 января 1945

Дорогая мама,

Вчера Таис Жаспар¹ закончила мой портрет. Я им очень доволен. Очень хорошо схвачено выражение глаз. И это именно портрет поэта, который, между прочим, и священник. Снимем фотографию и впоследствии сделаем клише. Теперь можно твердо быть уверенным, что «Южный дом» выйдет с портретом автора².

Письма опять приходят, но я ничего не получаю. Очень жду вестей от тебя — это моя самая большая радость — и еще от П.³ из Пекина.

Да, еще не рассказал тебе, как провел сочельник. Собрались у меня бездомные: М.П., Лариса и Лида. Мы устроили кофе, купили закусок и сладкого. Сидели поздно. Даже елка была — миниатюрная, в твоей вазе. К ней прицепили две звезды из картона и несколько свечек. Одна свеча — всех самых любимых — была воздвигнута посредине торта. Настроение было уютное и слегка грустное. В такие дни всегда лезут в голову воспоминания. Но всегда больно вспоминать то, чего нельзя вернуть.

Вот уже почти половина зимы прошла. Последнее время опять холодно. Ждем приезда из Тяньцзина одного знакомого. Если он съездит благополучно, то и я с Марком двинусь. Такая тоска, что уже не могу сидеть на месте, хотя и знаю, что следовало бы тихо сидеть и ждать.

Праздники прошли, надо браться за работу. 15-го возобновляю философские лекции. 20-го вернется ученик еврейчик. Кажется, составляется русская группа изучающих русский язык; заниматься будем на дому у сына доктора Огильви⁴. Таис Жаспар говорила, что можно составить большую группу французских детей, которые должны теперь изучать русский язык, чтобы не отстать от своих сверстников на родине, где изучение русского языка обязательно. Но здесь мое положение может послужить препятствием: заниматься надо в католическом College St. Michel, против чего могут восстать и наш епископ, и сами патеры. Если бы я имел помещение, я мог бы использовать все возможности. И у меня уже была бы школа для китайцев. Но всё это не уйдет.

В прошлую пятницу Ник. Алекс. <Щеголев> сделал хороший разбор моей книги «Жертва». Кое-какие замечания его надо признать вполне дельными. Но вообще человеку, старающемуся втиснуть себя в рамки строгого материализма, бывает просто трудно заинтересо-

ваться идеалистической мыслью. Отсюда некоторая односторонность суждений.

Всего наилучшего в новом году! Привет дорогому Владимиру Васильевичу, всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.

¹ Жаспар Таисия Павловна (урожд. Филиппович, 1912–1986) — художница. Художественное образование получила в Харбине. В 1930 г. переехала в Шанхай, принимала участие в художественных выставках. Популярностью пользовались ее портреты. В 1937 г. вышла замуж за французского консула, кузена Шарля де Голля, и уехала в Париж. В 1952 г. вернулась в СССР, продолжала работать как портретист. Жила в Киеве, где в 1993 г. прошла ее персональная выставка. Портрет Перелешина она увезла в Киев.

² Книга «Южный дом» вышла в 1968 г. в Германии без портрета автора.

³ Имеется в виду Павел Бай Цзи-чжан (см. в предисл., с. 147), с которым Перелешин расстался, уехав из Пекина.

⁴ Данных о докторе Огильви найти не удалось.

8

17 января 1945

Дорогая мама,
всё еще нет от тебя писем — уже целый месяц. Но я продолжаю писать тебе, как писал — может быть, мои-то письма ты получаешь. Совсем плохо, если тебе приходится тосковать и беспокоиться, как мне. Самое важное, чтобы ты была спокойна и знала, что у меня всё благополучно. Перевод тебе денег мне устроила наконец Муся Тельтофт; сегодня она взяла у меня 6000; за мои деньги ты получишь 1000 го-би. Рад, что хоть изредка могу сделать тебе подарок.

Сегодня же побывал у г-жи Цитович, которая оказалась очень симпатичной дамой и обещала сегодня же извлечь твои вещи из чемодана; надеюсь завтра получить их.

23 или 24 января думаю выехать с Марком в Пекин. Сразу же напишу тебе оттуда. Едем налегке, почти без вещей. Будет нас человек пять, двое очень бывалых. Разговаривал сегодня с епископом об отпуске на полтора месяца; он почти согласился (и вообще был очень мил — право, я давно люблю и уважаю и просто понимаю его больше, чем лживого и трусливого начальника нашего). Чтобы совсем убедить его, нужно еще свидетельство от врача. В получении такового не сомневаюсь: здоровье мое всегда было достаточно скверным. Хотя по совести должен сказать, что желудочное недомогание мое после несложного лечения совсем прошло; вот только сегодня у Бессоновой, которая в спешном порядке вставляет мне зуб,

со мной приключился сильный обморок, после которого весь день болит голова.

Истинная же причина путешествия — дикая тоска, которая совсем заполонила мое сердце. Четырнадцать месяцев, даже почти пятнадцать — это слишком для Шанхая. Хотя бы на месяц, на полтора необходимо вырваться. Здесь я уже кажусь себе самому призраком среди призраков и призрачных вещей. А по новым стихам¹ ты увидишь, что тема «Южного дома» изжита (кажется, за один вечер я написал четыре стихотворения)². Дом там, где счастье, а Шанхай не дал мне настоящей радости. Вот теперь мне «Равно наскучили надежды и угасания надежд»³...

Очень сердечно простился сегодня со Сморгчевскими⁴; все просили возвращаться поскорее, чтобы крестить имеющегося родиться младенца (страшно хотят мальчишку — все, и Л.П. тоже).

Пиши — то есть я знаю, что ты пишешь, но ведь уже столько времени нет вестей от тебя! Передай привет дорогому Владимиру Васильевичу и всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.

¹ К следующему письму, от 18 января 1945 г., приложены четыре стихотворения, датированные 12 января 1945 г.: «Экспромт» и — на отдельном листе — «В разлуке», «Амфора», «Бессонница». В книгу «Южный дом» из них вошло только «В разлуке» в новой редакции.

² Если когда-либо историк русской литературы на Дальнем Востоке заинтересуется моей текстологией, то в этих письмах он найдет богатый материал: наброски стихов, постепенная их обработка. Это, в моем случае, изыскание будет плодотворное: я «дописываю» стихи иногда через год, через пять лет, даже через пятьдесят. (ВИ)

³ «Равно наскучили надежды и угасания надежд» — кажется, мое собственное двустушище, не созревшее в стихотворение. (ВИ)

⁴ Два брата Сморгчевские работали в Шанхае на электростанции. В «Поэме без предмета» (Холиоук, 1989. С. 306) Перелешин писал в примечании к «Песни шестой»: «Лидия Петровна Сморгчевская в прошлом помещица. В семидесятых гг. скончалась в Сан-Франциско. Ваня (Иван Осипович) — ее младший сын, блестящий инженер».

18 января 1945

Дорогая мама,
сегодня, вернувшись с урока со своими двумя китайскими парнями, нашел у сторожа твое воздушно-пешеходное письмо, которому обрадовался несказанно, а потом с легким сердцем пошел служить всенощную под Крещение. Да, я пламенно жду и хочу нового счастья для тебя, для Вити, для М.П., для себя. Сон, который ты видела обо мне, — длинные волосы — означает дорогу. Вероятно, мою. А меж-

ду тем, возникли большие препятствия к поездке; не знаю даже, не придется ли засесть здесь на неопределенно долгий срок. Вот, чего не хотелось бы: противный, холодный город Шанхай, злой.

Всё, что ты послала, я получил: и пасквиль, и ответ, и «Вампиров», и «Колокол», и посвященное Аните¹. Вообще все письма доходят, кроме тех, которые не пишутся. Но не думай, что я тебя упрекаю — я просто прошу писать приблизительно раз в неделю, пока почта будет принимать письма. Пусть медленно, но вести всё же дойдут.

Мы прожили уже половину зимы — в начале марта будет тепло. Дорогая моя, береги себя и не падай духом. Ты мне совершенно необходима, ради кого я стал бы иначе держать себя в руках и не поддаваться страшному соблазну другого — уже совсем окончательного ухода? Хотя бы ради меня одного (хотя и Витя тебя также любит, я уверен) сиди терпеливо в Харбине и жди конца войны, который может наступить в любую минуту. Верь мне в одном — всё, что у меня когда-нибудь будет, будет только для тебя. Моя мечта — несмотря на мой довольно тяжелый характер — дать тебе настоящее тепло. Ну пусть перепадет немного и М.П., и П., которые были добры ко мне, когда у меня ничего не было, и поистине отдали мне всё, что сами имели (каждый в своем роде). Я часто мечтаю о тихой, спокойной досуговой жизни где-нибудь в Циндао или в Маниле — непременно у моря. Чтоб работа была легкая и возвышенная, чтобы было много цветов в вазах, и стихов, и прогулок по морскому берегу по аллеям акаций.

Собрать около себя всех не удастся (М.П. ненавидит П.), но хоть кто-то может быть близко. Так хорошо было бы, но для этого надо пока терпеть и холод, и грязь, и скуку беспросветную, и неуверенность в завтрашнем дне. В условиях инфляции и бесправия очень трудно создать что-либо. Но мы все здесь, и в Пекине, боремся за будущее, твердо зная, чего хотим. Кстати, есть надежда, что наш должник Ф., который должен нам что-то около 20 тысяч го-би, скоро вернет их тебе — дела его идут очень хорошо. Кажется, он расплатится с тобой в феврале. Пожалуйста, денег этих не расходуй, а купи себе дом поскорее. Обо всем сообщай, даже телеграфируй. Твой сын И.Г.

Экспромт

Все говорят о зле и крови,
Клянутся вдвое отомстить,

А я шепчу им о любви,
О лучшей радости — простить.

Они шумят о дальних грозах,
Им о пожарах снятся сны,
А я — о лотосах и грезах,
Об обаяньях тишины.

Ведь, может быть, поможет лира,
Приумножая благодать,
Заклятьем радости и мира
Разлад грядущий обуздать?

Шанхай, 12.1.45

¹ Ни один из названных текстов в архиве Перелешина не обнаружен.

10

21 февраля 1945

Дорогая мама,

опять очень давно не получал от тебя писем, но время тревожное, и это вполне естественно. Тебе я тоже не писал это время — т.е. написал письмо, но...

17 февраля получил я визу на поездку в Пекин, а 19-го пошел на почту отправлять тебе письмо, второе за февраль. Когда я покупал марки, некий вор вытащил у меня из кармана бумажник, где было около \$1111 денег и драгоценная виза¹. И хотя я почти почувствовал исчезновение бумажника и спохватился тотчас же, поднимать шум было бы совершенно бесполезно: вору было бы оказано всяческое содействие, мне — никакого. Пришлось смириться. А письмо не ушло, так как из купленных марок я в волнении потерял одну, а больше денег у меня не было, да и всё письмо было полно радости и надежд на путешествие, почему я и уничтожил его и пишу снова.хлопоты теперь тоже все снова. И расходов очень много. В мирное время вся эта история была бы образцом “bad luck”², но теперь — кто знает, не спас ли меня этой задержкой Господь от чего-либо похуже?

Вместе с бумажником погибли: твоя карточка (копия той, что у меня в рамке), полдюжины моих, несколько адресов и записей. Да еще «Брутовский»³ рубль и найденные на улице \$11 на счастье. Хорошо, что накануне я вынул из бумажника тысяч шесть денег. Иначе

потеря была бы больше. А так — \$1100 — это цена трех обедов у княгини (без хлеба).

В тот же вечер, 19-го, написал стихотворение «Голиаф». Вчера прихворнул. Был сильный озноб и жар. Сегодня чувствовал слабость и даже есть ничего не мог до вечера. Однако уроки дал вчера и сегодня. Завтра прибавляются двое учеников — брат и сестра по фамилии Сян. Есть еще один желающий заниматься. Принимаю пока всех, если поеду, всегда смогу заместиться. Лида Х<аиндрова> и М.П. сделают это отлично.

Прошел слух, что хлеб будет теперь стоить \$600 в день. Сейчас он стоит \$130. Не знаю, как доживем до конца этой страшной полосы. Но дожить надо. Хотя бы ради того, чтобы увидиться с тобой.

В стихотворении «Ангелы» сделал изменения второй строфы:

Но образ милый был осмеян,
Как отроческая любовь:
Мой демон превратился в змея
И ангелом не станет вновь.

17 февраля был здесь вечер стихов, устроенный Михаилом Волиным⁴. Я читал «Весну» («Оживает древнее...»), «Поэта» («Нелюбимые дети...»), «Музыку» и китайское «Размышление ночью». Публика приняла меня очень хорошо: как видишь по числу стихотворений, это был успех (все читали по два, я один — четыре).

Совсем весна наступает у нас. Бывают иногда изумительные дни. Китайцы снимают ватные халаты; столько стройных людей видно опять. Еще две недели — и зацветут деревья. Но в домах еще холодно, и так будет еще долго. Всей душой рвусь в Пекин к своей радости, которую надо проверить: ведь прошло так много времени, что от моей любви могло ничего не остаться... Вот и не знаю, что ждет меня: утешение после тяжелого года или новая боль (уже больше двух месяцев не получаю ответных писем...).

Последнее время очень мало успеваю читать. А стихи писать даже не хочется: книга «Южный дом» готова; в ней 48 страниц текста, не считая 6 страниц для книги “Rosa Mystica”⁵. Мечтаю о досуге и тишине, чтобы закончить книгу «Стихи на веере»⁶. Для этого хорошо бы опять иметь под рукой толкового учителя-пекинца, как мой Герман Михайлович Тан.

Да, еще на вечере читали стихи Лариса <Андерсен>, Лида Х<аиндрова>, Ольга Т<ельгофт>, Слободчиков, Щербаков и другие, тебе неизвестные. Убили вечер «юмористы», с какими-то куплетами вылезавшие и не хотевшие уходить.

Пятницы наши проходят более уныло, чем прежде — стали много ругаться (очень задириста вдова Ник. В. <Петереца>). Милый и тактичный Ник. Ал. <Щеголев> болен уже две недели. Два раза я уже бывал один среди дам (Лида, М.П., Иевлева, Лариса, вдова).

Привет всем нашим друзьям.

Получила ли наконец перевод на \$1000. Ведь это с января тянется, и я всё не знаю. А здесь Муся изнывает и просит еще денег ей дать. Я дал бы, если бы не поездка, при которой каждая тысяча может пригодиться.

Выясняется, что с 1 марта выдача хлеба по карточкам вообще прекратится. В свободной продаже черный хлеб дошел до \$400 за паунд. Если уходящий холод сменится голодом, то как жить?

Братья Сморгчевские, кажется, лишатся службы. Работа электрической станции свелась к ничтожному масштабу — из-за отсутствия угля. Вся жизнь приходит к тупику: на каждом шагу разные «отсутствия». А причина всего — одна.

Всего, всего наилучшего. Да хранит тебя Господь! Твой сын И.Г.

¹ На следующий день, 22 февраля, Перелешин писал: «Всё еще задумываюсь о внутреннем смысле исчезновения визы. Может быть, надо было, чтобы я и П. отвыкли друг от друга больше? Но кому и зачем это надо? Если это было таким злом, то как с самого начала оно было допущено? Если поездка все-таки состоится, я сразу телеграфирую тебе из Пекина о прибытии. <...> Очень беспокоит меня и огорчает отсутствие писем от П. Это тоже очень больно. Мы прожили в самом тесном общении два с половиной года, которых не вычеркнуть. Чья вина, что я таков, что я полюбил не там, где дозволено? Ничья, если только не моя собственная — где-то в другой, прежней жизни. И ведь это почти закон природы, что всякой одаренности сопутствует что-нибудь в этом роде, что-нибудь странное, постоянный источник боли...» Поездка в Пекин не состоялась.

² Bad luck — невезение (*англ.*).

³ «Брутовский» рубль считался талисманом игроков в карты. На рублевых банкнотах, выпущенных в России с 1898 по 1910 г. стояла подпись кассира Брута. Проиграв крупную сумму в карты в 1914 г., он покончил с собой.

⁴ Волин Михаил Николаевич (Володченко, 1914–1997) — поэт, прозаик. Участник «Чураевки». В Шанхае открыл школу йоги. В 1949 г. уехал в Австралию.

⁵ О книге «Rosa Mystica» см. п. 13.

⁶ Книга «Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии» вышла в 1970 г. в Германии.

Дорогая мама,
вчера получил после очень долгого перерыва твое письмо от 25.2. Беспокоиться по поводу того, что почта так запаздывает, теперь не приходится: надо радоваться, что уцелело хоть такое, несовершенное, сообщение.

Бесконечно жаль, что деньги до тебя не дошли, т.е. что Т¹. отказался платить за дочь. Вижу по твоему письму, что деньги были бы тебе очень кстати. Вообще я вижу, что здесь мы живем много лучше, чем тебе приходится жить. У нас тоже всё дорого, зато купить можно решительно всё. Правда, питаемся тоже средне, но к этому давно успели привыкнуть. Всё же не падай духом и жди с возможным спокойствием. Мы еще поживем хорошо и весело.

Затя с домом вполне разлетелась. М.П. умеет замечательно обрывать людьми — навьючила на свое иждивение невесту Марка и ее мать, и все наши деньги ушли на хлеб, тещины обеды и выкуп из ломбардов вещей этой старой бездельницы, которая не прочь еще поймать богатого иностранца или продать свою дочь подороже. Осталось у нас что-то около 30 тысяч, и никакого товара, кроме застрявшей в Пекине шерсти, которая в нормальное время не будет ничего стоить. Но и за то, что прожили на это столько времени, слава богу. Итак, извинись перед В.В. за новые беспокойства, которые опять я причинил ему. Будем ждать другого шанса.

Не стоит волноваться из-за книг — некоторое количество всегда пропадает. Зато я обеспечен книгами надолго. Сегодня послал в Пекин с одним уезжающим туда лицом 3 книги «Жертва» — для Софьи Михайловны, К.М. Карпинской и Фридлиндеров. Кое-что послал и для П. «Жертвы» издано много. А все эти люди сделали мне много добра.

Меня слегка удивило твое замечание о «производстве в игумен-ных». Разве ты не видишь еще, что всё это у меня вообще кончено², что несколько не интересуют меня пустые звания, да и вся эта профессия в целом. Сейчас формальная принадлежность к этой касте лжецов и интриганов дает мне некоторые преимущества, вот и всё. А служение литургии доставляет мне чисто эстетическое удовольствие наряду с хорошими стихами, китайскими иероглифами и красивыми цветами, вещами и лицами. Как только одежда станет мне на дороге к радости, я освобожусь от нее. Часть не может быть больше целого. Красота литургии — не единственная красота. Я рад, что необеспеченность шанхайской жизни научила меня быть самостоятельным и верить только в свою энергию. От Иоаннов, Викторов и прочих я ничего не ищу.

Очень огорчило меня твое суждение о П. То, что было, забыто быть не может. Там я имел верность и радость. У тебя другой взгляд на вещи — тоже правильный, но не обязательный для всех. Женитьба и производство младенцев — это почему-то представляется всем женщинам идеалом жизни. Но ведь я давно сделал свой

выбор — предпочтя этому «курятнику» свободу, которая дала мне образование, развила мой скромный поэтический дар, позволила мне путешествовать (и еще позволит), обогатила меня многими эмоциями и наслаждениями. Это следует понять раз и навсегда. Я надеялся, что, когда странствовать будет легко и дешево, я сразу заеду в Пекин, а затем в Харбин вместе с П. Не знаю, насколько это осуществимо. Ведь не от меня одного зависит всё дело. И многое может измениться — не во мне. Теперь вижу, что надо еще принять во внимание твое несочувствие.

А в том, что жизнь дана для радости и даже для того, чтобы «курлесить», ты глубоко права. Но и радоваться и куролесить я хочу по-своему.

Стихов за это время не написал. Нет впечатлений, сердце обросло корой. Только читаю много и с увлечением. Нигде не бываю — это тоже бессмысленно. Как вспомню, что свет в 10 часов прекратится, тотчас бросаюсь работать. Занимаюсь китайским, преподаю. Всё это занимает ум, но сердце томится о радости, особенно весной, когда такое высокое и легкое небо, когда солнце сияет над чистеньким парком, который виден из моего окна, когда на каждом шагу встречаются сотни прекрасных лиц и тел. Хочется бродить над сонным озером, дышать запахом сосен, любоваться очертаниями смутно голубеющих Западных холмов, слушать спокойную, мелодичную речь, а издали — звуки хуцини... Но в Бэй-гуане произошло столько перемен, что сейчас, если бы и мог, туда не поехал ни за что. Надо ждать и надеяться на будущее, еще не очень близкое, но всё же реальное.

Да хранит тебя Господь. Привет Владимиру Васильевичу и всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.³

<Приписка в конце:> Того же дня, вечером: ...По-видимому, дело с дипломом не разрешится в благоприятном для меня смысле, и за это время Милетий⁴ умрет. Что же, значит, это судьба. Начну строить свою жизнь заново еще раз. Кстати, наступит мирное время, откроются все дороги... Может быть, к Вите уедем оба. Здесь оставаться, конечно, будет слишком тяжело... Валерий⁵.

¹ Имеется в виду, видимо, отец Ольги Тельтофт — Я. Тельтофт, который жил в Харбине. Перелешин, избегая переводов почтой, одолжил деньги его дочери, жившей тогда в Шанхае, с тем, чтобы Я. Тельтофт вернул долг в Харбине — матери Перелешина. См. об этом п. 8.

² Перелешину никак не хотели выслать из Харбина с Богословского факультета диплом кандидата богословия, хотя защита давно состоялась. Требовали бесконечных переделок. В письмах к матери он не раз возвращается к этой теме. Так, 16 июля 1945 г. он писал: «Факультетские новости не причиняют мне боли, но чувство отдаленности от этих людей и их организации всё растет. Если какой-

то рычаг вдруг не перевернет всего этого дела, то я уйду, непременно уйду. <...> Черновики сочинения остались в Пекине, но у меня здесь есть копия, переплетенная и присланная тобою. Однако ничего переделывать я не буду. И.И. <Костючик> имеет право выпустить те места, которые ему кажутся неуместными, но в общем и целом работа остается такой, как есть. Но только встречать сейчас всех этих негодяев и делать вид, что ничего не случилось, мне было бы трудно. <...> Никакой эвакуации не происходит. Выехать отсюда всё так же трудно и дорого. Уехали только русские охранники и их семьи, больше ни о ком не слышно. Вообще страшно много ходит всяких слухов, преимущественно вздорных. Всё не могу заставить дома издателя, а уже и “Стихи на веере” готовы к печати. Как славно было бы, если бы книги вышли поскорее! Поэт даже может гордиться теми преследованиями врагов, которые выпадают на его долю из-за поэзии. А ведь стихи — главная причина злобы “архисволочи” Димитрия Вознесенского и его приспешников». В своих бедах Перелешин винил епископа Димитрия Хайларского (в миру Н.Ф. Вознесенский, 1871–1947), который был председателем правления Богословского факультета в Харбине. Убедившись, что диплом получить не удастся, Перелешин был готов принять монашеский сан.

³ Дополнение, сделанное вечером, подписано уже «Валерий», как и все последующие письма.

⁴ Милетий (в миру Михаил Васильевич Заборовский, 1868–1946) с 1931 г. был митрополитом Харбинским и Маньчжурским.

⁵ Подпись «Валерий» вместо «Иеромонах Герман» характерна: это был мой «час великого презрения». (В.П.)

12

29 апреля 1945

Вербное воскресенье

Дорогая мама,

да, конечно, «отход» мой и сейчас еще находится в стадии внутренней. Но то, что внутри, осознается постепенно, и я всё больше и больше тоскую о свободе и любви. Правда, за время великопостное я опять стал тоньше и подумал не раз о том, что отказаться от всей этой красоты у меня едва ли станет сил. Большие соблазны вырастут на моем пути в ближайшие три года (это остаток веры в астрологию). Надо просто запомнить крепко, что, несмотря ни на какие соображения, от избранного пути нельзя отказываться совсем. Пока что придется совмещать небо с грязью и ждать того времени, когда «станет кровь холодноватой» и окончательный взлет станет возможным. И вот я возвращаюсь к мысли и благодарному воспоминанию о П. За это чувство, даже за тень его, я буду цепляться. Все мои расчеты на будущее строятся так, что П. непременно входит в них. Между П. и отъездом моим из Пекина нет никакой связи. Одной из причин была моя ненасытность. Другие люди, а не П., повредили мне. Но была и намеренная интрига; была целая партия, которой сначала о. Нафанаил, потом о. Авраамий (тоже уже покойный) и я сильно мешали. После нашего поочередного удаления архиепископ оказался пленником и пешкой в руках этой партии. Договорить я и сейчас не могу. Подожди еще.

Действовала судьба. В Пекине я свернул бы себе шею (и теперь снова рукой вора был я удержан, но воля проявилась тут иная — по-выше). А здесь я в тени и проживу до конца тревожного периода. Многому я научился и в свои силы верить стал. И у тебя, и в монастыре, и даже в Бэй-гуане все-таки всё было готовое, хотя бы и не в достатке. А вот за истекший апрель мой доход составил \$41 тысячу. Из них только в начале месяца 6000 взял я как дивиденд от шерсти. При изменившихся отношениях с М.П. не считаю возможным брать от нее что-либо. Совершенно неожиданно мне дали перевести с английского мистическую статью японского автора и заплатили за это \$10 тысяч. В мае будут пасхальные доходы — проживу.

Словом, за меня не бойся: еще долго деньги будут мне идти, хотя и не шальные, а трудовые. Но ведь трудовые и вернее.

Вчера с М.П. был страшный скандал... Всё это характеризует тот тупик, в который зашла наша некогда уютная дружба. И сейчас, когда я оглядываюсь на прошедшие пять лет, мне кажется, что они были сплошь черные, хотя были и стихи, и хорошие книги, и астрология, и просто мирные вечера. Увы, умерло всё это. Свобода дороже всего. Ни за какие удобства и перспективы будущего обогащения, славы или чего угодно я не стану носить ярмо. А здесь от меня требовали беспрекословной покорности и слепого доверия к чьим-то прорицаниям, снам и выдумкам. Я согласен верить им вполтину, но никогда не хотел, чтобы доверие это меня к чему-либо обязывало.

Расхождение началось из-за П. еще перед вторым отъездом в Харбин (два дня спустя после начала русско-немецкой войны). Во все дни перед отъездом М.П. преследовала меня слезами и сценами. Довела до такого состояния, что две службы я проплакал насквозь. Проводить меня М.П. не пожелала прийти...

От имени Господа Бога мне было предречено, что диплом мой будет аннулирован, и значок с меня снимут. Всё это вздор полный. Вся теория построена на том, что я нечто, вроде «мистического» супруга М.П., что мы созданы друг для друга, что и в гороскопе у меня ясно обозначено, что иной жены, кроме М.П., у меня быть не может. Но можно ли с этим считаться серьезно? Есть простые и очевидные факты: М.П. страшно утомляет меня...

Завтра рано утром служу в своей церкви литургию преждеосвященных. Началась Страстная неделя. Дела будет много — службы, исповеди, приготовления к Пасхе. И уроки надо давать, и вообще, совмещать Бога и маммону. Всего доброго, дорогая моя. Не говори мне больше о «курятнике» — это бесполезно. Кроме П. я никого не хочу... Твой сын Валерий

22 августа 1945

Дорогая мама,

С удовольствием прочел вчера в газете, что харбинская шпанка (Власьевский, Родзаевский, Матковский¹ и другие прихвостни) бежала. Уверен, что далеко не убегут и там или здесь, чуть раньше или чуть позже, а получат справедливое наказание за то, что торговали русскими головами. Кое-кто из них уже попался в Хайларе. Думаю, что и тяньцзин-пекинская сволочь изловлена.

Сообщи, когда прояснится вопрос об изданиях.

24 августа

Видишь, как вяло пишется письмо — это оттого, что месяц уже, как нет от тебя писем, и оттого, что не знаю, когда это письмо до тебя доберется.

За это время перевел несколько китайских рассказиков — миниатюр писателя Ло Хуа-шэн²; они привели меня в восхищение. Заказ делало то издательство, где служит Ник. Ал. Щеголев; пока ничего не прошло, и не знаю, пройдет ли. Но одно издание почти подготовлено к выходу в свет, там пойдет моя статья и одна-две миниатюры.

Отца Ник. Ал. зовут Александр Владимирович. Но однофамильцев у них очень мало. Сейчас, ввиду изменившейся обстановки, Н.А. очень хочет возобновить переписку с родными³.

Сегодня после длительного перерыва соберется наша «Пятница». Будем обсуждать перспективы изданий. Прочту своего «Пеликана». Кстати, мистические стихи изыму из книги «Южный дом»; они когда-нибудь составят книгу “*Rosa Mystica*”⁴. «Южный дом» отчетлив и без этих стихов. «Стихи на веере» тоже доведены до конца, больше ничего добавлять не нужно.

Письма, которые были тебе посланы и о которых не знаю, дошли ли они?..

Да хранит тебя Господь. Привет дорогому В.В. Твой сын Валерий.

¹ С 9 августа по 2 сентября 1945 г. в ходе Советско-японской войны советскими войсками и их союзниками проводилась Маньчжурская операция по освобождению Маньчжурии от японских войск. Советские войска, преодолев горы Большого Хингана, отрезали Квантунскую армию от японских войск в Северном Китае. 6 августа на Хиросиму, 9 августа на Нагасаки США сбросили атомные бомбы. 14 августа император Японии издал указ о капитуляции. 18–20 августа 1945 г. Красная Армия вошла в Харбин. В результате из Харбина бежали высшие чины прояпонских политических организаций: К.В. Родзаевский (1907–1949) — лидер Всероссийской фашистской партии (ВФП), генерал-майор Л.Ф. Власьевский (1884–1946) — председатель Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) с 1944 г. до августа 1945 г., М.А. Матковский (1903–1968) — один из

заместителей председателя. 2 сентября Япония подписала акт о капитуляции, что привело к окончанию Второй мировой войны.

² Ло Хуа-шэн (наст. имя Сюй Ди-шань, 1893–1941) — китайский писатель.

³ Н.А. Щеголев долго не получал писем от родителей из Харбина и просил Е. Сентянину узнать их адрес.

⁴ Книга под таким названием не вышла; возможно, намеченные для нее стихи частично вошли в книгу «Качель» (1971).

14

27 января 1946

Дорогая мама,

Последнее письмо мое отправлено тебе 27 октября. Так как за всё это время я не получил от тебя ни слова, то ты легко представишь себе, в каком грустном состоянии я нахожусь. Правда, я знаю, что с Севером нет никакого сообщения и писем не получает никто. Но тем не менее очень тяжело обходиться без твоих писем после того, как мы переписывались часто и обстоятельно.

Если письма мои ты получила, то новостей у меня, собственно говоря, немного. Но я боюсь, что и до тебя мои письма не доходят, хотя почта безотказно принимала их и выдавала квитанции. В таком случае ты еще, может быть, не знаешь, что я имел одно письмо от Юры и два от Вити, причем замечательным совпадением было то, что одно из них пришло в канун Нового года, а другое — в канун твоих именин. Обо всем этом я писал тебе, но пишу снова на тот случай, если письма пропали.

Витя вышел из армии сразу после победы над Японией. Кажется, на фронте он не был: после трех лет его перевели с Аляски во внутренние штаты. В момент выхода из армии он находился в Калифорнии, так что, естественно, остался в Сан-Франциско, где поселился у Олега Воробей. Но затем дядя Олега продал дом, и Витя с Олегом разъехались. Найти комнату было делом столь же трудным, как в Шанхае, но Витя пишет, что снимает полкомнаты за ширмой. Это печально, но зато службу он нашел очень легко, и в данное время служит чертежником в Пасифик Электрик энд Газ Компани. Юра пишет, что это колоссальное предприятие. Жалованье получает настолько хорошее, что, как сам Витя пишет, если бы ты и я приехали к нему и не могли ничего заработать, то он мог бы нас содержать. Твое присутствие было бы в особенности желательно, так как за время войны от одиночества и беспокойства нервная система Вити еще более расшаталась, и теперь он боится уличного движения, шума и многолюдного общества. На всякий случай я написал ему, чтобы он хлопотал для нас документы, а сам собираюсь навести нужные справки здесь. Без тебя не хотел бы так далеко забираться,

но, подождав несколько месяцев, пожалуй, поеду повидаться с Витей. Конечно, мое присутствие не заменит для него тебя, но все-таки я свой человек и, может быть, могу быть ему полезен.

Работаю я по-прежнему для Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) переводчиком с китайского. Перевел за это время дикое количество передовиц и статей по вопросам политики, права и экономики. Кроме того, перевожу помаленьку большую книгу — биографию Чжан Кай-ши¹. Эта работа очень интересна, и от нее я всё больше становлюсь ученым специалистом синологом. Бесконечно радуюсь этому, тем более что на получаемое жалование вполне могу жить. Нынче даже печкой обзавелся и топлю ее дровами, так что у меня тепло и не надо бегать с термосом за кипятком. В случае поездки к Вите место останется за мной, так как я далеко не решил еще вопроса о переселении и пока думаю о кратковременном визите в США. Всегда жалею, что в 1942 году, когда я звал тебя к себе в Пекин, ты побоялась ехать. Мы избежали бы теперешней разлуки, и ты была бы уже на пути к Вите.

Литературные занятия мои продолжаются, хотя за эти полгода написал я довольно мало. Тормозит то, что книга «Южный дом» уже совсем подобрана, и даже бумага есть, а печатать невозможно — страшно дорого. Всё же сборник нашего кружка «Пятницы» будет издан². Недавно мы устраивали закрытый вечер в одном кафе; собралось человек 120, в том числе секретарь советского консульства Исаенко, чины посольства в Чунцине, представители советской и иностранной прессы. Это был большой успех с общественной точки зрения, да и чистый доход наш выразился в 150 тысяч фа-би. Теперь мы устроим еще предварительную подписку на книгу, и дело можно будет считать сделанным...

Когда только кончится весь этот ужас разлуки и тревоги, вся эта пытка одиночества и бессмысленности существования «ни для кого»! Твой сын Валерий.

¹ Видимо, перевод книги о Чан Кайши не был закончен.

² Сборник стихотворений «Остров» вышел в том же году.

Литература

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. — *Валерий Перелешин*. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 275 с.

References

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. — Valerii Pereleshin. *Dva polustanka. Vospominaniia svidetelia i uchastnika literaturnoi zhizni Kharbina i Shankhaia* [Two railway stations. Memoirs of the witness and participant in the literary life of Harbin and Shanghai], ed. in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 275 p. (In Russ.)

“I ended up in this gray and uninteresting city...”: From Valery Pereleshin’s Shanghai letters to his mother, 1943–1946

© 2019, Olga Kuznetsova

Abstract: This publication presents wartime letters written in Shanghai by Russian émigré poet Valery Pereleshin to his mother in Harbin. Their family arrived to Harbin in 1920 with the wave of refugees from Russia. There, Pereleshin graduated, published his first books of poetry, and took monastic vows. When Harbin was occupied by the Japanese Army, he left it for the Russian Orthodox Mission in Beijing. In Beijing Pereleshin met his love and wrote many lyrical poems about Chinese nature. In 1943, Pereleshin was transferred to Shanghai. There he conducted church services at the Cathedral. All these years, his mother remained in Harbin. In his letters, Pereleshin tells his mother about difficult life of Russian emigrants in occupied Shanghai during Sino-Japanese War, about his difficult relationship with the Harbin monastic community, and about his friends. The main theme, passing almost through all of his letters, remained the subject of his poems. He continued writing. In Shanghai Pereleshin's Harbin friends met again. Many of them were former participants of the poetic association “Churaevka” in Harbin. In Shanghai they created a new literary association and named it “Pyatnitsa” (“Friday”). On Fridays, the poets gathered in the rebuilt garage to read and discuss their new poems. These works were included in the collection “Ostrov” (“Island”) published in Shanghai. Pereleshin and his mother left China for Brazil in 1953. In Brazil, Pereleshin released new books of poetry, wrote memoirs about Harbin and Shanghai, made translation, and was engaged in active correspondence.

Keywords: letters, emigration, literature, Harbin poets, literary association “Churaevka”, a collection of poems, Russian Orthodox Mission in Beijing, a poet-monk, “Russian Shanghai” of the 1940s, literary association “Pyatnitsa”

Information about the author: Olga Kuznetsova, PhD, Leading Research Associate, Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: oliail.555@gmail.com

Citation: Kuznetsova Olga. “I ended up in this gray and uninteresting city...”: From Valery Pereleshin’s Shanghai letters to his mother, 1943–1946. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 145–179. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179